

Fulgur Conditum (ГРЕЦИЯ)

Археолог по образованию, автор нескольких поэтических сборников, писатель, переводчик с греческого языка. С 2007 года постоянно проживает в Греции, сотрудник Института Балканских исследований (Салоники). Победитель конкурса «Эмигрантская лира» (2015). В настоящее время готовит к изданию сборник избранных произведений лауреата Нобелевской премии Одиссеаса Элитиса (Москва, изд-во ОГИ). Помимо собственных работ автора, в Греции издавались стихотворения Осипа Мандельштама в его переводах (журнал «Стёла», 2016). Основная часть авторских работ доступна для чтения на независимом интернет-ресурсе weltschmerz.fm.

Латинское имя, которым подписывает автор свои работы, не является псевдонимом или частью «творческого образа», но является неотъемлемой частью его идентичности.

Поэтическая речь автора нагружена разнообразием смыслов, разнообразием деталей, картин, эпизодов. Они сливаются в течение, сравнимое с бурным высокоротным потоком, который вдруг выкатывается на равнину, но и тут едва сдерживается в созерцании окружающего мира. Образность и метафоричность – естественное состояние этих строк. Нервная ткань стиха проявлена в интонационной свободе, с которой стихотворение набирает разгон, чтобы выплеснуться в завершающих строках на самом пределе чувствования. Для читателей, впервые знакомящихся с творчеством этого автора, неизбежно ощущение настоящего открытия.

Д. Ч.

NON OMNIS

За радостью любой, за всяческой надеждой
какой-то чёрный страх
хромает по пятам, шипя о неизбежном,
о скоротечных днях, о вечности впотьмах

и алчности пустот, – а смертный отвечает:

– Не весь же я умру.
Я стану резедой, и стеблем молочая,
и влагой на заре, и пылью ввечеру,
и искрой на ветру.

Примкнувший навсегда к надёжному соседству
кустарников и скал,
я в древность возвращусь, как в горестное детство,
задумавшись, впадал;

а там – лазурный свет от мрамора, и рудый –
от тёмных позолот,
и блеск солончаков в степи тысячегрудой,
и весь минойский воск, и весь гиметтский мёд,
и медленный полёт

над космами травы, серебряной и сивой,
звнящей у дорог, скорбящей у могил,

и пусть сама земля с её репейной гривой
помилует меня за то, как я любил. –

Он скажет и замрёт в немом полувопросе,
уже вообразив, что ясно различит
спасительный ответ, – но мир не произносит
отчётливого «да» и «нет» не говорит,

а только шебуршит метёлками колосьев,
туманится в глазах и сыплет через край
песчаное сухое безгололье:

как хочешь, дескать, так и понимай.

КАК ПОЮТ САТИРЫ

Утром глаза открываешь – и словно бы в сон
с лёгкой душой возвращаешься, в лучший из сновившихся.
Сладко-пресладко колеблется лучик косой
на полуслипшихся
влажных ресницах.

Ещё головы не подняв,
видишь, как движется
воздух за шторой. Как в гуще нечёсанных трав
чмокает жижица
почвы, размокшей от ливня. Как чахнут на створках ворот

ключья афиш прошлогодних, и как челюстями беззубыми
шамкает трактор на стройке. Буксует в песке теплоход
фабрики с трубами:
обе дымятся. А дальше – тропический лес,
солнечно-пасмурный.
Высоковольтные, с копиями наперевес,
вышки. И заросли.
Станции, рельсы, стрекозы над карей водой,
глина просёлков, бугорчатых под босоножками.
Серый валежник с собачьей бородкой седой,
с козыми рожками.

Жарко земля выдыхает. Усталостью нежной саднит,
хвоей царапает. Давит грудастыми кручами.
За руку вводит в зелёные крипты свои.
В храмы летучие.

Там, на свету, где лазурь нестерпимо близка,
чьи-то фигуры привидятся: мрамор и патина.
Руки могучие, гибкие. Те – для броска,
те – для объятия.

Там пацанёнок, венок из ромашек надев,
вдруг превратится в девчонку. – А девочка сбросит сорочку и
станет мальчишкой. И оба исчезнут затем,
преобразившись в древесные свисты немолчные,
листья и пёрышки.

Петь бы про этот уют,
кровоточащий, замотанный наспех тряпицами.
Петь до беспамятства, – так, как сатиры поют
на пустырях, отбивая чечётку копытцами,
искры срывая с камней:

– Эй! Эгегей!
Лейте до края!
Пусть золото хлынет из глаз!
Мир перед нами, в пестрядном изорванном саване,
тысячу раз уничтоженный, тысячу раз
собранный заново!
– Вот он за нас распинается, вот он с высот
рушится грозами,
вот он огнём распаляется! Вот он цветёт

жёлтым и розовым!

– Неутолённый! С припухлостью гипсовых губ,
с бровью неласковой,
с призрачной флейтой на топком речном берегу,
с бойнями, с плясками.
– Неисцелимый! С надеждой его холостой,
с гибелью мнимой. С кислинкой его барбарисовой,
впившейся в детское нёбо.

– А ты, человечиска, стой,
стой и записывай.

ЭПОД

Куда ещё мне было с этой страстью и
с тоской моей – куда ещё,
как не в Неаполь, гнойный и промасленный,
плюющий и слезящийся,

насквозь пропахший жиром подгорающим,
каким-то тестом жареным,
несвежими исподними рубашами,
старушечьими спальнями.

Здесь нет ни забытья тебе, ни продыха,
но есть одно и главное:
сиди до крови боль свою расчёсывай,
вино с хандрой разбалтывай,

глотай, скривившись, как микстуру с ложечки,
прибрежный воздух палевый,
ходи гулять, в сухую грязь подножную
свою усталость втапывай. –

Он весь наружу потрохами вывернут
и тем пришёлся вовремя,
Неаполь измочаленный, замыленный,
его фальцет надорванный;

и я теперь за жёлчность их сиротскую,
за неуёмность горечи
люблю его заветренные простыни,
захарканные площади,

и быт его, – как праздник в общежитии, –
и свет из мутных пятен, где
на всё найдёшь ответ – неутешительный,
но вроде сострадательный.

ПЕСЕНКА СТРАНСТВУЮЩЕГО СОФИСТА

Где есть кремень, песчаники и лёсс,
где выцветший бурьян желтоволос
и ветром исцелованы ухабы –
там родина,
и ты наверняка
поймёшь из слов любого языка
одно хотя бы.

Не то чтобы стирались рубежи,
но льётся путь и под ноги бежит
во всех краях с печалью неизменной,
и сладко собирать по колоску
рассеянную нежную тоску
того, что называлось ойкуменой.

Уходит речь в таинственный расплав,
свою генеалогию познав
до середины.

А предки что?
– Они, как корни трав,
сплетаются в Аиде воедино.

ТРИ ПЕСЕНКИ С ТЕМПЕРАТУРОЙ ВОЗДУХА +34 ГРАДУСА В ТЕНИ

На исходе полудня
в стрекочущий воздух печной
с головой зарываешься,
словно в косматую шкуру.
Пахнет мускусом, потом,
немного – звериной мочой,
и палёной травой,
чернобурой.

Тёплый ветер обхватишь –
а в нём колтуны да репы,
смоляные потёки
и сгустки древесного клея,
и на каждом из них
спотыкаются пальцы твои,
соловья.

Тут же щебеты, трески,
ворчание сонных собак,
и возня воробьёв,
и щекотка невнятного зова,
с первых лепетов детских
прилипшего к нёбу, но так
и не ставшего словом.

* * *

За пределами слов – несмолкающий летний галдёж,
брызги пёстрых шумов, то и дело колеблющих створки
незакрытых окон, и какая-то нежная дрожь
убеждает тебя, еле слышно зудя на подкорке:
мол, уверуешь в них без оглядки и без оговорки –
и тогда к чистоте,
словно к новому детству, придёшь.

Там надкрылья жуков, забродивший черешневый сок,
леденцовые стёклышки, фантики с липкой изнанкой,
там рассыпаны тайны, как топот мальчишеских ног
по бетонным ступенькам, облитым густой серебрянкой
пропылённого света –

и все они сложатся вновь
в целокупную быль, в исполинское гибкое тело
разморённого бога,
от собственных щедрых даров
захмелевшего сладко,
покрывшего лоб загорелый
повиликой, плющом,
и сиренью, и мятой, и чем-то душистым и белым,
не расцветшим ещё.

* * *

Чем-то белым, душистым,
невиданным прежде, и вот
расцвести пожелавшим, —
совсем как в июне цветёт
в палисадниках жимолость
и под окном медуница, —
жизнь казалась и кажется:

словно бы издалека,
с шепотком ветерка,
иногда до ноздрей доносился
аромат настоящего,
скрытого тайной пока,

остальное — фантомы,
ночные древесные тени
во дворах полусонных,
сплетения предвосхищений
и предчувствий блаженных.

— Наутро, — земля говорит, —
я приду обновлённой,
с букетами свежих созвучий. —

Так земля говорит,
и от этой надежды летучей
не отучит печаль
и отчаянье не отлучит:
в летнем буйстве дремучем
душа человека стоит

и почти что навзрыд
обещающий воздух вдыхает,
от шмелиного гуда
пьянеет, и верит, и ждёт,
что какое-то чудо
сейчас расцветёт, расцветёт,

расцветает.

Из цикла «ARMENICA»

ГИПНАГОГИЧЕСКИЙ ГИМН

Словно простор содрогнулся – и зрение мне переполнил
почвой, где вещи свои родословные помнят,
где выкликают на сиплом наречии горном
корень за корнем:

так, от базальтовых гребней, ползущих в распадки,
произошли куполов острогранные складки,
хлеб – от слоющейся глины, монеты – от щедрости львиной,
нож – от густеющей лавы, а песня – от взмахов усталых
серого ветра, бродящего на перевалах;
склепы – от недр, а хачкары на розовых склонах –
все от небес, запылившихся и опалённых.

Как бы и мне отыскать, разобрав вековые завалы,
где мой праобраз остался, неведомый и небывалый,
вырванный с мясом из памяти, намертво вбитый
в тёмный субстрат, в утрамбованный прах неолита, –
этот блуждающий сполох, который дрожит и двоится
в карстовом гроте, когда я смыкаю ресницы:
молнии росчерк лиловый, копыа наконечник кремнёвый,
грубый меандр, намалёванный охрой на бычьей
шкуре песчаника; помнящий сотни обличий,
предвосхитивший в победах моих и обидах
каждый мой выдох.

Прочь меня тащит рукой безразличной и своей
тяга пути – и как будто великое войско
входит в глаза мои долгим растянутым строем,
полк за полком и герой за героем:
чёрные скалы; лишайников ржавые корки;
сор придорожный, как жменя солдатской махорки;
липкая нефть автотрассы; потом, окружённый холмами,
город, расплывшийся в олове и амальгаме;
спелые выемки окон, листвы притомлённые пятна;
снова грунтовой дороги ремень сыромятный,
кровли предместий, засыпанных пеплом и мелом,
пахнущих чем-то горелым.

Видно ли вам, легкокрылые нежные духи
смертных пределов, простёртых в цвету и разрухе,
как я тянусь к вам, как жадно впиваюсь зрачками
в воздух и камень?

Как я колеблюсь – и как уповаю на что-то,
ставшее точкой опоры (и сразу же – точкой отсчёта):
на золотой, расточающий стрелы сухие,
миг возвращения, странствия и ностальгии,
сплавленных вместе: как если идти без оглядки
в ясную даль, молчаливо приветствуя сладкий
стрекот земли, где родство обретает безродный.

Пусть этот свет мне хотя бы приснится сегодня
пусть этот свет мне хотя бы приснится сегодня
пусть этот свет мне хотя бы о пусть этот свет

АВТОР ПЕРЕЧИТЫВАЕТ СВОИ ЗАПИСИ

Не хватает лёгкости спросонок,
блеска взгляда, свежести лица;
не хватает бойких побасёнок,
ловко оперённого словца.

Тягостна, как горная дорога,
речь моя. Не менее горька.
Ей бы только гари на подмогу,
да суглинка, да ракушняка.

Смотрят вслед лобастые собаки
и земля качает головой,
вся в истёртом, выгоревшем хаки,
в нищете военно-полевой, –

и ничьи глаза не замечали,
и хребет не чувствовал ничей
этой пыльной муторной печали,
этой чёрствой доблести моей.

Только здесь, на каменных раскатах,
на холмах в подоле Арарата,
в их тряпье, соломе, кизяке,
солью пересыпанных и сланцем,

кто-то не замедлил отозваться
на таком же хмуром языке.

Борис ЮДИН (США)

Родился в Латвии в 1949 году. Учился на филфаке Даугавпилсского университета. С 1995 года живёт в США. Автор 8 книг и трёх сотен публикаций в журналах и альманахах России и русской эмиграции разных стран.

Борис Юдин поэт устоявшейся традиции, но в рамках этой традиции он давно нашёл свою интонацию. Лёгкий налёт иронии только обогащает лирическую наполненность стихотворного высказывания, свежесть и чистоту поэтического взгляда.

Д. Ч.

ОСКОЛОЧЬЕ

ИЮЛЬСКИЕ КАЛЕНДЫ

Июльский полдень. Вонь от бакалеи.
Парк у реки, покрытый ряской пруд.
Сутулый памятник в конце аллеи
Давно не помнит, как его зовут.

Иссохшие дубки – потомки палиц,
Три мужика пьют пиво у ларька.
А день течёт песком меж тонких пальцев,
Раскрашивая серым облака.

Идёт старик в линялой тюбетейке,
Несёт творог в авоське и кефир.
И я сижу на сломанной скамейке,
Читаю Брехта и курю «Памир».

Лаванда на рабатке лиловеет,
Скучает девушка в дезабилье.
И вечный Брехт, старик и бакалея,
И тень моя на голубой скамье.

* * *

Быть может это не зазря,
А для чего-нибудь и важно.
Как этот дом многоэтажный,
Забытый в травах пустыря.

Как парфюмерии манок,
Как макияжные обманы,
Как пол, уплывший из-под ног
В нирвану, как в щелчок капканный.

Но, появившись втихоря,
Бродил рассвет в коробках комнат.
Конечно, это не зазря.
Но кто теперь об этом помнит?

МЕЛАНХОЛИЯ

Сентябрьский вечер. Тает лето,
Как пароходик на реке.
И скучно острое «Жиллета»
Скребёт щетину на щеке.

У дам с утра прохладны взгляды,
Капризны очертанья губ.
Так в ожиданье снегопада
В кладовке ёжится тулуп.

Гудки вздремнули у вокзала,
Кот в полусне бормочет речь.
Снаружи – охристо и ало,
А в доме ждёт поленья печь.

На почте стынут телеграммы,
Грызёт сухую коркумышь.
И ждёшь звонка. Так оклик мамы
Ждёт заблудившийся малыш.

УТРО

Зарозовели облака над лесом.
Легла роса. Провисли провода.
Парк зазнобила, даль легла белеса,
И почернело зеркало пруда.

И, радуясь туману и прохладце,
Дом хлопал ставней. Таяла звезда,
Скрипела дверь, замок зубами клацал,
И пёс блоху выкусывал с хвоста.

Играют танго. Зажелтели липы,
И на опушке полинял кипрей.
Роса, дверей раздёрганные всхлипы,
И женщина в сорочке у дверей.

ОЗЁРНОЕ УТРО

Седает ночь, костёр давно потух.
За озером край леса багрянится..
Не спится. П пахнет дымом и грибницей,
И где-то надрывается петух.

У берега – лозовые кусты,
Осока и росиста, и щетинна.
И осторожно местная Ундина
Выходит обнажённой из воды.

НУ, ЧТО МЫ О ВОЙНЕ, ДА О ВОЙНЕ

Ну, что мы о войне, да о войне?
Ребёнку сладко теревить болячку?
Война надёжно спрятана во мне:
Так прячет пьяница свою заначку.

Ну, что мы о войне? Она ушла,
Сгорела облаками на закате.
Отплакала над речкою ветла,
И вдовы улыбнулись на плакате.

И всё-таки, как много лет назад,
Парад планет, июньский звездопад
И сердце задышается от боли.
Атака, и висит ядрёный мат
Над искалеченным бомбёжкой полем.

ЗАМОРОЗОК

Седа от инея трава,
Сосна возле беседки чахнет.
Подмёрзла палая листва:
Слегка арбузной коркой пахнет.

Следы собачьи у воды,
Загаженная балюстрада.
Церквей сусальные кресты
Висят над черноствольем сада.

Тосклива окон череда,
Ткань тротуара грязнопега.
Белёсое бельмо пруда
Томится в ожиданье снега.

НОЧНОЙ СЕНТЯБРЬ 60-ых

Хруст ледышки под ногой.
В стороне от чёрных ёлок
Алюминьевой фольгой
Изредка сверкнёт просёлок.

За рекой дрожит звезда :
Заплутала легковушка.
– Ах, куда же ты куда? –
Надрывается несущка.

ОСКОЛОЧЬЕ

Эти бешеные ночки
Я в руках своих сожму.
Сердце рвётся на кусочки,
Как письмо, невесть кому.

Полетят осколки блюда
Со стола под Новый год.
Не успеешь оглянуться –
А река ломает лёд.

Слов осколки, как наркотик,
Строк коварная лыжня.
Пароходик, пароходик,
Ты куда же без меня?

Кирилл Василёнок¹. «натюрморт с будильником».

Эмилия ПЕСОЧИНА (ГЕРМАНИЯ)

Родилась в Харькове. Окончила медицинский университет, аспирантуру. Преподавала в Харьковской медицинской академии последипломного образования. Доктор медицины. В 2001 году эмигрировала в Германию. Член Врачебной палаты Нижней Саксонии. Изданы четыре сборника стихов: «Ковчег и качели» (2001), «Чужой город» (2002), «Волкополье» (2006), «Разговор со звездой» (2011). Автор многочисленных публикаций в литературной периодике. Член Харьковского Клуба песенной поэзии им. Ю. Визбора. На её стихи написано около двухсот песен, вошедших в состав более тридцати песенных дисков, создано множество видеоклипов. Лауреат нескольких международных конкурсов.

¹ Информация о художнике приведена в конце журнала, в разделе «Художник номера».

В текстах Эмили Песочиной острый слух хорошо различает музыкальность её стихотворной речи. Многие из её стихотворений рождаются с уже очевидной песенной интонацией, напрашиваются на поддержку гитарного перебора. Это не значит, будто её строки недопроявлены без такой поддержки. Просто она ведёт с нами доверительный разговор, избегающий резкость жеста. А образность её поэзии передаёт всю остроту переживания и осмысления жизни.

Д. Ч.

СЛОВО И ВРЕМЯ

Ветер стирает линялые тучи в сером корыте.
Серою мыльной водою тропа в никуда покрыта.
Сырость и серость. Не нужно другого цвета
Для карандашно прочерченных линий веток.
Ливень в грязи бесконечную пряжу полощет.
В вязкой безликости путь не отыщешь на ощупь.
Время качается слепо на скользком графите.
Переведите его, человеки, переведите...

Волны стирают с песка побережья острые замки.
Ночь начищает посудину моря старую замшей.
Грозно над сушею шею прилив набыл.
Бездна всплыла на поверхность, ища добычи.
Миг захлебнулся в сетях потаённого мира.
В море отсутствуют напрочь все ориентиры.
Время отстало на час от текущих событий.
Переведите его, человеки, переведите...

Время такое, что в угол забилося людское.
Время такое, что зверское льётся рекою.
Катит эпоха назад в первобытный хаос.
Некто похожий на нас глядит усмехаясь.
Через барочность дворцов и барачную мрачность,
Сквозь миллионы веков продирается смачно
Кривоходящий, пещерный смурной прародитель.
Переведите его в человеки, переведите.

Главную истину с тёмного неба нам возвещали:
Слово – в начале... Запомните! Слово было вначале...
Свет – это после... Как следствие сути слова...
Жизнь – это следствие слова и света... Снова

Вечный вопрос о первичном творении духа...
Время летит по Вселенной на плазменных дугах.
Символом слова сигналил небесный водитель.
Переведите слова, человеки, переведите.

ДЕТСКИЙ РАЙ

Памяти моей бабушки

Покорна предписаниям Всевышнего,
Я улетела, с туч сбивая пенки.
Не существует больше хатки с вишнями,
Похожей на картинку из Шевченко.

Мой детский рот с деревьев тянет ягоды...
Варенье в блюде... С творогом вареники...
На самовар сапог натянут яловый,
И бабушка несёт цыплят в переднике...

Кровать с периной... Мама в платье фрезовом...
Ракушка, привезённая из Крыма...
Кусочки детской памяти нарезаны,
Как булка или огурцы из крынок.

Над старой грушею – лесной красавицей –
Заря купается в небесном озере.
Но детский рай хранить не разрешается,
И хатка просто снесена бульдозером.

Мой детский рай и взрослый мир разрушены.
Холодный ветер веет над старою.
Живу в чужом краю с чужими грушами...
А бабушка... Её портрет со мною...

СНЕГ ПАДАЛ

Снег падал мимо фонарей
Толпою белых многоточий
На фоне неуютной ночи
В холодном чёрном декабре.

Снег был на свете не жилец.
Он умирал, не долетая
До луж, ладоней и сердец,
И погибающая стая
Кристаллов – или бывших душ –
Несовершенных, тонких, ломких –
Стояла в ледяных потёмках
И превращалась в колкий душ
Для лиц, деревьев и дорог,
И прочих, кто имеет кожу.

Снег выбирал среди прохожих
Всё неженое да недотрог
И вовлекал их в суету
И беспорядочность круженья,
Стремясь отсрочить темноту,
Своё последнее паденье
И смерть в касанье роковом.

Снег шёл из неба обречённо.
Он был так бел в пространстве чёрном,
так виден каждому... Тайком
не миновать прозрачный хаос,
Сиреневый фонарный круг.

И точка белая спускалась,
Как мотылёк на зимний луг...

ВОСПОМИНАНИЕ

Перебирая ключики событий,
Побед, провалов, почестей, потерь,
Один из них возьмите, отоприте
Забвеньем прочно запертую дверь.
Ах, как давно в неё никто не входит!
Как пуст не переступленный порог!
Замок и петли заржавели, вроде
Никто досель туда войти не мог...

Но вам-то ведь доподлинно известно,
Кто и когда за дверью тою жил,
Трубил и пел, стараясь вторить ветру,

Чем дорожил, кому и чем служил...
Его любила юность, осиянна
Росой звезды. Был мир их потаён.
Она ему являлась – без изъяна –
И окуналась в теплый окоём.
Вставала из воды, смущаясь светом
От глаз её ночного визави,
И водопады звуков с тёмных веток
На берег низвергали соловьи...

...Но где же та... и тот?.. Что случилось с ними,
Вы знаете, наверное, теперь...
Ах, как внутри темно и пусто ныне!
Как мутны окна и замшела дверь!
Там капли безнадёжного молчанья
Однообразно каплют с потолка.
Там сумерки наполнены печалью,
Да и тоски запасы на века.

И вроде бы не старость... Нет, не старость...
А просто день – не день, и ночь – не ночь.
Не то чтобы болезнь или усталость...
Всё валится из рук – и всё невмочь!
Но... тот, который... – он куда же сгинул?!
Никто не исчезает без следа.
Была ведь соловьиная лавина
И звёздная бездонная вода?

А, может, всё как было – так осталось?
Не здесь – так в измерении другом...
И юность, а не старость! – Нет, не старость! –
Стоит у входа в неоткрытый дом!
Переступает тишину и немошь
И растворяет окна к берегам,
И в воду опрокинутое небо
Покорно ластится к её ногам.
И сладкий запах новых сумасшествий
Пространство заполняет до краёв!

Вовек благословен себя нашедший
Под ливнями безумных соловьёв...

* * *

Снег странным образом валил,
Когда его уже не ждали,
Когда летели журавли
Из тёплой, синей южной дали.

Снег шёл и шёл, и покрывал
Собою лепестки черешен,
Лишь неуёмная трава
В снегу проделывала бреши.

По снегу шёл саксонский кот
И ставил лапы осторожно,
И думал: «Май, а снег идёт...
Как сложно жить... Майн Гот, как сложно...»

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Нет, не летят седые парашюты
На мертвенность бесснежную равнин...
А небо то затянет в глубину, то
Ослабит на мгновенье эти пути,
И ты барахтаешься в нем один.

Все полномочия приняв у бездны,
Отчаянными звёздами горя,
Сияет воронёный свод небесный
Холодной красотой, неуместной
Над нищенской одежкой декабря.

А ночь съедает облака краюшку,
Запив настоем тёмной пустоты.
Подставь от грусти треснувшую кружку,
И ночь плеснёт на донце: пей и ты!
Прошепчет: вот и всё! — тебе на ушко...

Однако же... Однако же... На коже
Земли печальной первый снежный знак...
И выдох лёгкой вьюги осторожен,
И тонкий купол снега ненадёжен...
Но всё же... Всё же... Пала белизна...

А ты стоишь под белым и над белым,
Запутан круговертью снежных строп,
Читаешь в синеве окоченелой
И постигаешь мудрость светлых строк,
Крошащихся на землю
Мелом...

ЗОЛОТАЯ ФИЛОСОФИЯ

Осень вязью да курсивами,
По заре – птицами,
Вечереющими ивами
По воде писана...

Вне наскучившей материи –
Просто так – мыслями,
Облаков летящих тенями –
Бывшими листьями...

И такая каллиграфия
В росчерках озера...
Замирающая грация...
Графика осени...

Ей в небесном предисловии
Должное воздано...
Золотая философия
Света и воздуха...

Если до заката дожили,
Значит, быть вечеру...
А философ ли, художник ли
Пишет про вечное...

Всё, что небом зашифровано,
Знаемо только им...
Божьим ангелом даровано
Пёрышко тонкое.

Не по-ангельски скрипучее,
Точное, строгое...
А художнику отпустится

Многое...

Многое...

ПЕРЕХОДНОЕ

Шиповник зелёный краснеет,
А розы скромнее цветут...
Холодное небо яснее
Являет свою высоту.

В багрянце стена винограда.
В рубиновых каплях кизил.
Терновник, как малое чадо,
В чернилах себя извозил.

Оранжево-рыжим отливом
Сияет кленовый янтарь.
Каштаны стучат торопливо,
Как старый сапожник-кустарь.

Каштанов и сердца биенье –
Не в такт шелестящим шагам.
С берёзы слетают мгновенья –
Листики золотых амальгам.

Лучи, как секундные стрелки,
По тени прозрачной бегут.
Сороки, прервав посиделки,
Минутную тишь стерегут.

Сквозь прорези клиньев гусиных
От солнца отняв золотник,
Часы переводит на зиму
На небе седой часовщик...

ЭСКИЗЫ

Раздали тополя последние билеты.
Остался верхний ряд у липы на углу.
Замкнулись небеса короткой вспышкой света,
Доверив журавлям нести ключи разлук.

Вот паутинки нерв – осенняя банальность –
Под вольтовой дугой вольфрамовых берёз
Дрожит, и тишина в саду ложится навзничь,
А с клёна к ней летит янтарный клан стрекоз...

Шар вечных лотерей вращают перемены,
И старый добрый мим смешит на злобу дня...
Театр лета пуст, но осень ставит сцену,
И слышен монолог окрепшего огня.
А в небе облака – небрежные наброски
Не выпавших снегов на лики октября.
Вот мостик в желтизну. Скрипят сырые доски
И с шелестом шагов о чём-то говорят.

Под пальцами дождя все клавиши печали
Расстроились давно, звучат не в унисон...
Как жаль, что глух артист и фальшь не замечает,
И дышит тяжело его аккордеон.
А журавли кричат больными голосами,
И тонет чёрный лист в оранжевой воде,
И лютиковый пёс с озёрными глазами
Приткнулся в первый ряд несбывшихся надежд...

Кирилл Василёнок. «Севастополь. 57й яхт-клуб».

Григорий МАРГОВСКИЙ (США)

Родился в 1963 в Минске. Окончил дневное отделение поэзии Литинститута. Публиковался в «Юности», «Дне Поэзии», альманахе «Латинский квартал». Выступал как критик в «Литературном обозрении», переводил болгарскую и польскую поэзию. В 1993 эмигрировал в Израиль, с 2001 живёт в США. Издал четыре книги стихов, автор двух романов.

Григорий Марговский – человек резкого жеста. Таково и его творчество. Он не хочет и не может вести речь на полутонах и если высказывается, то совершенно прямо, что многих раздражает. А между тем, стихи его – при всей жёсткости интонации и непримиримой публицистичности – порождение лирической исповедальности. Слово и звук у него очень точные, образность яркая, ирония и самоирония выразительны. Темперамент зашкаливает. Поэзия.

Д. Ч.

ПУШКИНИАНА

Познать, бывает, вознамерюсь
Все виды счастья подряд:
В Испании глотаю херес,
А в Греции – густой мускат;
С восточной девой под сурдинку
Греха усладам предаюсь,
Ласкаю пышную блондинку,
С печалью вспоминая Русь;
В изгнании, меняя страны,
Ремёсла и отважных жён,
Потею, бороздя барханы,
В бадью сигаю, обнажён;
Пред арфою благоговею,
На светских раутах хамлю,
Где пейсы оборву еврею,
Где бомбой пригрожу Кремлю;
С учёным мужем про Арахну
Судачу, интернет кляня,
Да вдруг по Мекке шандарахну,
Пришпорив резвого коня;
Играю в покер и в рулетку,
Коплю ракушки и значки,
С ватагой мчуся в кругосветку,
Сдыхаю в подполе с тоски;

Кропаю оды, эпиграммы,
Поэмы в пятьдесят страниц,
Тибетского послушник ламы,
Ямайских confident блудниц;
То мёрзну, подбивая шпалы,
То жру икру в особняке –
Брюзгливый, бодрый, исхудалый,
В «чероки», с брюхом, налегке...
Для битвы есть, для поцелуя
И страсть, и в голосе металл:
Затем, что просто жить люблю я
И с детства Пушкина читал!

Из цикла «ТЕТРАКАТРЕНЫ»

ПРОМЫСЕЛ

Всё, Господи, продумано Тобой
До мелочей, не зря и край обрыва
Ты оживляешь ящеркой рябой,
Следящей за кузнечиком игриво.
А этот венценосный серпантин,
Закрученный арбою изнуренной
К расплавленному золоту лавин,
Белеющих поверженной короной!
Всё выверил своим аршином Ты,
Сообразуя с сущностью пейзажи
Саванны иль суровой мерзлоты
В круговороте купли и продажи...
Шуршит, за лето выгорев, трава,
Обманута судьбой, душа немеет,
И даже вечность, что всегда права,
Твои деянья обсуждать не смеет.

РАЗНИЦА

Москва – такая впадина большая,
Куда рекой текут и нефть, и газ,
Там варятся скандалы, разрешая
Насмешливо пошкикивать на нас.
Там, одного куратора проекта

Меня на другого впопыхах,
Жужжит с утра забористая секта,
Что твёрдо разбирается в стихах.
А здесь у нас то призрак суховея,
То прерии пылят под стук колес,
И с шёпотом растерянности: где я? —
Из трейлера высовываешь нос...
Но здесь поёт диковинная птица
С не менее диковинных ветвей,
И можно наконец уединиться,
Доверившись просодии своей.

ИЕЗАВЕЛЬ

Плод манго на столе порозовел,
И из него сочится мирозданье.
Все выходки твои, Иезавель,
Пророками предсказаны заране.
Но там, в окне, отчаянье пруда
Целят волшеббно лилии соблазна:
В миг сладости невелика беда
Нечестие, и ты со мной согласна!
Что жертвенник, когда, за гибкий стан
Обняв тебя двумя крылами сразу,
Я верю в святость разнопланетян,
Приблизивших вселенную к экстазу?
Зарядит дождь — и, каплею упав,
Как будто дети пляшут на батуте,
На лепесток одной из тех купав,
На бездыханной кончится минуте...

ПОЕЗД

Так хочется поговорить про поезд,
В котором мчится юный пассажир,
Он курицу с варёною крупой ест
Над книжкой, зачитанной до дыр.
Эй, машинист и кочегар, ускорьте
Движение в оазис тёплых стран!
В Геленджике закрутит он на корте
С цыганкой Клавой бешеный роман.

А на экране то Лорен, то Дитрих,
За три копейки с булками сироп,
И юности чужой, ползущей в титрах,
Фуражкой машет старый остолоп...
Корёжит рельсы торможеньем резким,
Свет меркнет в наступившей тишине,
Так хочется поговорить, да не с кем,
Лишь чей-то пыльный вензель на окне.

СЦЕНАРИЙ

Младенец спит у мамы на плече,
Зажмуря глазки, лепестка нежнее.
Что снится крохе? Капля на свече?
Велосипед в извилистой аллее?
Иль прозревает отрочество он
И юность предстоящую? Застолье
На Рождество? Поездку в Гранд-Каньон
С хохочущим приятелем по школе?
Объятия хрупкой леди в «Шевроле»?
Экзамены в Вест-Пойнте? На бархане
Зацветшие так пышно в феврале
Кустарники? Заката полыханье?
Ракету неприятеля, сквозь тьму
Стенания, зрачок застывший карий?
Что предвещает будущность ему,
Безвинно вовлечённому в сценарий?

ПИАНИСТКА

Зайдя в одну манхэттенскую церковь,
Заговорил я с девушкой: война,
Судьбу её нещадно исковеркав,
Была талантом дерзким сражена.
В углу стоял рояль, и тонким пальцам
Легко давался огненный прелюд.
Порой необходимо стать скитальцем,
И свет небесный ангелы прольют!
Сжирала деньги жадная аренда,
Изгнание тянулось по часам.
Застыли мы: адажио, крещендо,

Как можно так играть, не знаю сам.
Вдруг мать её, расслышав песню эту,
Воскликнула беззвучно: «Тбилисо!»
А я простёрся ниц, обняв планету,
В слезах благодаря её за всё...

ЧИТАТЕЛЬ

О, Господи, услышь, как тяжело!
Ни дар не помогает, ни харизма.
Всем правит в эмиграции бабло,
На родине разгул патриотизма.
Химера славы гробит мастерство,
И выскочек порука круговая
Швыряет остраконами в него,
Коммерцию с тусовкой воспевая.
Толкает ресторанный пустобрёх
Невнятицу обрюзглым идиотам;
Орава подхалимов и пройдох
Продажным восторгается сексотом.
Прошу Тебя, останься же моим
Читателем единственным, последним!
Чем буду я взыскательней любим,
Тем дольше не поддамся этим бредням.

ВОСПОМИНАНИЕ

В проулке за Елоховским собором
Беру я с чебуреками сто грамм,
И крохи достаются краснопёрым
Порхающим безвредно снегилям.
Хрустальное на берегу ли рощиц
Потрескиванье, или в снегопад
Разлапистые па регулировщиц,
Чьи валенки казённые скрипят?
Оглядываюсь: очередь, скользота
И пыжиковых шапок маскарад,
«Вечёрку» мне протягивает кто-то,
Бенгальские троллейбусы искрят.
Под варежкой кургузой неразменен
Пятак, прибережённый на проезд,

И важно представляется: «Арбенин»
Жених одной из святочных невест.

СТЕНА ПЛАЧА

Святилище разрушено к беде
Народа Книги, сломленного горем,
Фундамент лишь белеет кое-где,
Служа благословию подспорьем.
Великий наш поэт бен Галеви,
Рыдая, заплатил большую цену,
Сам Иисус, твердивший о Любви,
Въезжая в город, видел эту Стену.
Доколе ж вам, о, Запад и Восток,
На пяточке сшибаться ради славы?
Пророчество услышите между строк,
Смягчите ваши гибельные нравы!
Стенающий от родины вдали,
Оставьте, повторяю я упрямо,
Создателю и неба, и земли
Хотя бы это основание Храма!

КАМЕРТОН

Замкнуться в комфортабельном мирке
И разбирать наследие – ну, скажем,
Того, с кем долго был накоротке
И с каждым новым постигал пассажем.
Иль, если уж в политику вступать,
То подвывая дюжим троглодитам,
К казне не подпуская ни на пядь,
Чтоб в голодуху оставаться сытым...
Но нет, поэт! Лишь правде ты свояк
И бедности: плюя на госструктуры,
Не извлекаешь выгоды из драк
И трупный яд не пьёшь из синекуры.
Всеобщий смысл присущ твоей судьбе,
И тем верней ты подлинному звуку,
Чем больше сострадания в тебе
К бесчестно обречённому на муку.

THE WESTPORT ART GROUP

Я вспоминаю группу двадцати
Художников, мой восемьдесят третий:
Чтоб Малую Грузинскую найти,
Я исходил всё прошлое столетье!
Хоть было им творить разрешено
В своей неподражаемой манере,
Бухали в меру, мыслили темно,
Испытывая к трону недоверье...
И ведь недаром: власть их предала!
Маразм бровастый, лысый иль в погонах –
Без разницы... Печаль твоя светла,
Читай теперь о взятках миллионных,
Что в виде интеллекта всем подряд
Отчизна раздавала, и картинки
В прибрежной галерейке, седоват,
Рассматривай неспешно по старинке.

ВЫВОД

Годами прохлаждались в ЦДЛ,
Пирожное жевали, губы в креме,
Судили Осташвили под раздел
Посёлка графоманского и премий.
Один бухал и с прикусом острил
Весьма ложноклассическим, другая
В шиньоне прорицала из шиншилл,
Концлагерем в Силезии пугая...
С тех пор немало утекло воды,
Я понял, что пахать – большое счастье:
Строгая брус иль пестуя плоды,
Рыбацкие перебирая снасти.
Включу TV – всё те же и про то ж,
И, на груди рванув шершавый тельник,
Свирепо гаркну в прорву этих рож:
«Торговка! Пустомеля и бездельник!»

КОМПАРАТИВИСТ

«Мой деверь тоже компаративист, –
Она вздыхает, – корифеем ЛГИТМиКа

Считался. А теперь засох как лист.
Кому сдалась классическая ритмика?...»
Что ж, это правда. С лязгом шестерни
Вращаются. Я сравниваю с Вест-Портом
Нью-Бедфорд и бесплодно трачу дни,
В делах марьяжных притворяясь экспертом.
Или экспертом... Карты спутал смерч,
Царит повсюду ударений вольница!
А кто-то от ПЕН-центра ездит в Керчь.
Когда ж поэта чаянья исполнятся?
Судьба, верни регалии – жюри
Хочу возглавить в честь барона Врангеля!
Пиджак мне чесучовый подари!
Позволь в ЧК преподавать Евангелье!

Евгений ВОЛКОВ (БЕЛАРУСЬ)

Родился в 1962 году в Перми. Активно публиковался в периодике до 1992 года, лауреат литературной премии журнала «Смена» за 1990 год. В 2017 году вышла книжка ранних стихов (М.: Нонпарель), в 2018 году публиковался в журнале «Плавучий мост», в альманахе «На середине мира», лауреат литературно-художественного фестиваля «Русские мифы» (2017). В настоящее время живёт в Минске.

Евгений Волков не хочет смириться с прямым и банальным содержанием слова. И он слово препарирует, разделяя его на составные части, извлекая на свет его неожиданно новое внутреннее содержание, побуждая нас ощущать остроту и свежесть поэтической речи, полной новых смыслов и музыкальной игры.

Д. Ч.

* * *

не знает бог что с корабля на бал –
сбегут все крысы бывшие в фаворе

что на сардин напал сарданапал
в одном ему известном лукоморье

что скоро бля на поиски рубля
по дальним странам разлетятся птицы –

останутся задроты и тупицы
задраенные в трюмах корабля

лох матый лох алкает шакал ад –
на пяльцах пая девственниц и скуку

и тот кто в этом не был виноват
пусть за меня лизнёт ей нежно руку

пусть за меня её коснётся там –
где бьют там тамы тела о гол тело

мой флот разбит и войско поредело
по харе кришны считывая спам

и бога нет вещает бога тырь –
евпатия на пати коловратя

и ты как роща сбрасываешь платье
в ремейке ежедневной темноты

скрывает небо птиц упавших след –
на переправе сутолка харонов

и бога тырь вещает бога нет
за грудь хватая баб и цицеронов...

ПОТОМУ ЧТО ВОЛК

отрывая свой зад от скамьи –
подсудимых иль просто скамейки

я шепчу заклинанья свои
дураки мудрецы неумейки

мой до дыр голубой говорит –
только нет мне до этого дела

потому что листва облетела
и нигде ничего не болит

и дорога похожа на сон –
от себя самого и не меньше

на прекраснейшую из женщин
ту в которую ты был влюблён

и которой сегодня уж нет –
есть лишь редкое слово и мысли

где бог весть клином сходится свет
и под ноги бросаются листья

о цветов преподобный кармин –
заминирован кармы сценарий

сколько волка в себе ни корми
не найти ему твари по паре

не уйти от себя самого –
даже если и хватит отваги

мне сосед принесёт самогон
пламени от собственной браги

что ж –
камин затоплю буду пить

только нет в моём доме камина
есть подробная правда
и вина от которых мне хочется выть...

КАРНАВАЛ

гуляет скот по полю в сапогах –
на празднике маркиза карабаса

под водку дегустируя колбасы
и выбритый на всякий случай пах

лукавый look колхозного царя –
с одетой неодетой и поддатой

здесь солнце если падает в моря
то строго в им подписанные даты

здесь богом дан цыганский богдыхан –
и гадский папа батька всем убогим

здесь вечный жид пакуя чемодан
без чемодана хочет сделать ноги

и кар навалом там где кар навал —
уродов множит в поисках джедая

идёт по кругу клики ум ножа я
ах если бы я этого не знал —

и жил себе за пазухой у бога
где цел овал который целовал

где трогал ту что раньше недотрогал
и чемодан соседу отдавал...

* * *

...в июль не жди ни женщин ни улиток...

Хименес

июль несносен чередой свиданий —
и женщины дырявее небес

рыдают обозначивая вес
чужих телес и собственных страданий

дождлив июль любимый месяц лет
и лет непоправимо полноводных —

все уезжают
видимо на отдых
заранее купив себе билет

прелюбодейно улицы пусты
прелюдией вселенского распада —

и соль земли в конечном счете падала
и ты моя любимая
и ты

когда нас тьмы и тьмы —
нам несть числа
вторичным слоем тел и сочленений

и полый мрак раздвинет вам колени
в сиюминутных поисках тепла

охватывает город томас мор –
ползёт по кругу номерной автобус

сухое аравийское дерьмо
вперёд толкает скарабей как глобус

и мне известен лишь один закон
необъяснимо выносимых пыток –

в июль не жди ни женщин ни улиток
ласкающих лениво языком...

ВИНОГРАД

изабель –
чёрен как вино град
и на воз напрасных усилий

мы у града вина попросили
и жемчужину в триста карат

коротает свой век каратист –
коротит в подвесной черепушке

стоит круглый дурак на опушке
и чугунную песню растит

ты прости просто та просто ту –
просто та потому что бухая

за подвижными рамками рта
черно сливом овал набухает

казимир –
нарисуй козий мир

козий мат
каземат из овала

и живот налитой до отвала
и кошмар в переводе каш мир

и квадратную в небе луну –
черен град потому что престолен

шаганэ я тебя шугану
потому что я с севера что ли....

FORTE

ни в бровь ни в глаз –
скорее между ног
подробности всегдашней долже виты

и леты кот на сковородку лёг
шипя как змей больной и ядовитый

и я изнемогаю от чудес
и от пространства будней раз бухая –

сидит у изголовья мелкий бес
с нерукотворным ликом вертухая

резная боль необрезной доски –
от общих мест и правил я завою

шепталый снег ложится на виски
и поприще не блещет новизною

ничьё –
вокруг бесцветный шум
и на дворе который год агдамский

за разный ум заходит праздный ум
и ты зайдёшь с улыбкой роттер дамской

а ближе к ночи старческий эразм
возьмёт своё для музыки и жеста –

мне сладко повторять в который раз
повремени постой моё бя женство

мне из углов —
предвыборней тупой

мне из чудес —
доходчивее порка
пока есть пунша пламень голый бой

и отчих зорь защитна гимна стёрка
и сонм теней бамбука под луной

и ты со мной доверчиво тепла
дурные мысли переймут ли дети

и будет так ещё тысячелетье
такая срань на свете до угла...

КОЛОКОЛ

пока волчица вскармливает рим —
ждёт ромула и рема борозда

и в вифлееме на небе звезда
ещё зовётся именем другим

на зов халявы с запахом халвы —
просовывая головы в хомут

несут дары данайцы и волхвы
кому-то пряник а кому-то кнут

и гой еси с аидами мацу —
нужду справляя в мире и тепле

за пазухой держа по огурцу
и камень имитирующий хлеб

здесь ирод царь который лукоморд —
и на подходе мордор как всегда

и холуи бегут во весь опор
ведь в вифлееме на небе звезда

и подпирают кольями зенит
румяные скопцы и палачи —

и кол о кол давно по мне звенит
звенит без объяснения причин

и ждёт шестимоторный серафим
меня на перепутье иногда —

пока волчица вскармливает рим
и в вифлееме на небе звезда...

THE THING I AM

я это я —

и больше ни полслова
не обозначит больше чем я есть

мне снится сон
простой и мотыльковый
где я умру но сад мой будет цвести

где я по меньшей мере чжуан цзы —
на грешный час родившийся калифом

стоят в саду как статуи отцы
с очком для ловли бабочек и мифов

злокозненно траву жуют козлы —
не замечая сока молочая

мне нравится повадка стрекозы
жить никого ни в чем не уличая

я это я —

и сон мой неземной
пускай продлится круг сужая дантов

круг подлецов блядей и спекулянтов
отныне именующихся
мною ...

Елена ДУБРОВИНА (США)

Поэт, прозаик, эссеист, переводчик, литературовед. Родилась в Ленинграде. Уехала из России в конце семидесятых годов. Живёт в пригороде Филадельфии. Автор девяти книг на русском и английском языках. Составитель и переводчик антологии «Russian Poetry in Exile. 1917–1975. A Bilingual Anthology», составитель, автор вступительной статьи, комментариев и расширенного именного указателя к трёхтомнику собрания сочинений Юрия Мандельштама (М: Изд-во ЮРАЙТ, 2018). Её стихи и литературные эссе печатались в различных русскоязычных и англоязычных периодических изданиях. Пишет стихи и на английском языке. В течение десяти лет состояла в редколлегии альманаха «Встречи». Главный редактор американских журналов «Поэзия: Russian Poetry Past and Present» и «Зарубежная Россия: Russia Abroad Past and Present». Входит в состав редакции журнала «Гостиная». Ведёт раздел «Культурно-историческая археология» в приложении к «Новому Журналу» и состоит в редколлегии журнала. В 2013 году Всемирным союзом писателей ей была присуждена национальная литературная премия им. В. Шекспира за высокое мастерство переводов.

Елена Дубровина наполняет свою стихотворную речь искренним лиризмом, поэтический голос её чист и ясен. Она доверяет своему читателю и делится с ним сокровенным. Её «судьба-усадебка», «город в белой дымке», «львы, стережущие время» и впрямь пахнут запахами ушедших времён. Эти нескрытые жажда и ожидание счастья освещают трепет души, которую «на земле держит дом».

Д. Ч.

НО НА ЗЕМЛЕ НАС ДЕРЖИТ ДОМ

* * *

Здесь всё мое – и этот стол, и эти вещи,
И этот дом, в котором окна на восток,
И страх на миг – удар в висок,
А этот миг – как будто вечность.

Здесь тишина поёт в углу об опозданье
Всего на несколько минут,
А стрелки от часов бегут,
И, кажется, что век прошёл в моём сознание.

Не повернуть часы назад в судьбе-усадебке,
Не отлюбить, не позабыть,
А просто плакать, просто выть,
Как плакала тогда – на свадьбе.

Будильник тикает вперёд – не обернуться,
И гулко отдаётся зов –

И скинуть с вечности засов,
Дверь распахнуть и... задохнуться.

Разбитых чашек тонкий звук –
Осколками на этой карте. Такой маршрут –
Из детства в дом, в котором никого не ждут.
И как вода, текут года из детских рук.

* * *

О, сколько можно голосить
И ждать удачи,
Прощенья у себя просить
И быть незрячей,
Когда легко скользит эфир
У изголовья,
Когда разрушен дом и мир
В том послесловье,
Написанном в конце пути,
Рукой неверной?
Осталось сколько мне идти
Дорогой брэнной?
Закончен день, и свет погас
В моём сознание,
Минуты переходят в час
В часы прощанья.
Но на земле нас держит дом,
Окно в ненастье,
Улыбка сына, и потом...
Немного счастья.

* * *

В далёком прозрачном мире,
Серой краской размытом,
В темной, пустой квартире,
Грущу о давно забытом –

О городе в белой дымке,
О львах, стерегущих время.
Там, где на старом снимке
Осталось моё поколение.

Темнеет небо, и густо
Туман поднимается выше,
К вечеру так же грустно.
И «жить» означает – «выжить».

* * *

*Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!*

Павел Коган

В осеннем парке на скамье –
Забытый зонтик красный с чёрным,
И листья мокрые ко мне
Прилипли как к тетрадке школьник.

Идёт по проволоке ток,
В дыму течёт по трубам время,
И жизнь желтее, чем желток,
Бежит как кровь по старым венам.

Бессонницы кошачий плач
Сочится вместе с ветром в щели,
И век заботливый, как врач,
Ведёт меня к заветной цели.

Но смерть придёт, когда не ждёшь,
Накроет чёрным покрывалом,
И ты поймёшь, что жизнь есть ложь,
Квадрат, растянутый овалом,

Что время, прожитое зря,
Не поменять, как плащ на платье...
А над землёй встанёт заря,
Рисую угол над кроватью.

ВОКЗАЛ

Как капля в море и иголка в сене,
Я затерялась в городских кварталах,
Среди людей – турист в холодной Вене,
Бродячий клоун в опустевшем зале.
Несу любовь и чемоданы красок

С теплом души, запрятым средь писем,
Среди людей, среди застывших масок,
Где мир жесток и всё же живописен.
Я жду чудес, высокого венчанья
Моей судьбы с какой-то вечной тайной,
Но длится время – время ожидания,
О, как оно безмерно и печально!
Как одиноко на пустой платформе –
Звук ржавых рельс, дыханье вечной ночи.
Как этот мир, как эта жизнь – непрочны!
И тот же день – бесцветен и бесформен!
И тот рассвет, что в юности встречали,
Стал облаком туманным и закатом,
И в грусти детства, юности печали
Пустой вокзал остался виноватым.

ГОРОДУ ПЕТРА

Наверное, в Питере ветер по-свойски
Метёт жёлтый лист вдоль пустой мостовой.
И мостик кривой, по-осеннему, скользкий,
Согнулся дугой над тоскливой Невой.

И дождь, как всегда, ледяной, морозящий,
Купается в лужах, и бьётся в стекло.
Осеннее небо – предвестник несчастий,
Раскрылось зонтом, но укрыть не смогло

Прохожих, спешащий на поздний автобус,
Возлюбленных, ищущих места для встреч.
Так движется время и крутится глобус,
И падают годы с согнувшихся плеч.

И память, как дождь морозящий, проходит.
Останутся вспышки сознания едва,
И Питер холодный в ненастной погоде
Стирается в памяти день ото дня.

И только туманное чувство разлуки,
Как юности блики, болит иногда.
И только в порыве безрадостной скуки
Возникнет из памяти город Петра.

* * *

Прикрывшись рукой и зажмутив глаза,
Нам мир представляется чёрным квадратом,
Но где-то по рельсам стучат поезда,
Несутся туда, куда нет нам возврата.
Там детство и юность играли в лапту,
Учились играть на рояле сонаты,
Учили поэмы почти налету,
Любили, дружили, встречали закаты.
Там были ненастья, дожди по ночам,
Разлуки, разрывы, падения и ссоры,
А чаще всего – о любви разговоры,
По сути, и всё-таки по мелочам.
Стоим на развилке – всё тот же вокзал,
Другие торопятся в новую вечность...
Вагон наш сломался, мотор отказал.
И длится минута в пути бесконечно...
Тот поезд увёз эту память навек –
Навек – показалось. Но где же наш дом?
Несёт нас вперёд по течению рек,
А мы всё стоим на пути запасном...
Жизнь длится спокойно, почти не спеша,
Размеренный стук уходящих колес,
Но мучает тот же нас вечный вопрос –
В каком полушарье осталась душа?

* * *

Охватив моё запястье,
Руку мне до боли сжав,
Ты прощался, убежав
От нахлынувшего счастья.

Каждый миг, как всплеск волны, –
В лунном свете нет прекрасней.
Звезды нежности полны.
Разве *это* было счастьем?

Мёртвым светом тишины
Поглотило землю время,
Будто мы вернулись в сны
Из прошедшего мгновенья.

А закат горел в огне,
Вспыхнув красным в ежечасье.
И тонуло в глубине
Наше маленькое счастье.

* * *

Ты меня не заставишь любить –
Не в твоей это власти.
Горький привкус в твоём сладострастье
И моём неумении жить.

Обновляется жизнью листва,
Сок с деревьев стекает в корни.
Словно в гонке забитые кони,
Дышат смертью твои слова.

И в рассыпанной хвойной ели
Привкус чувствую остроточный.
Веет ветер дальневосточный,
Оставляя шрамы на теле.

Поздней ночью, последней ночью,
Губы осенью холодели.

* * *

Одолжи мне своё отраженье,
жадность, жар
и мечтательность, столь
непохожую на вторжение
в очевидность самосожжения
и чужую, живую боль.

Одолжи мне своё отторжение
от того, что болит как шрам,
беззащитность и защищённость,
счастье, близкое к поражению,
за которое по-монашески
в спешке грешную жизнь отдам.

Одолжи мне долги и должности,
разбросай по земле стихи,
и тепло собрав осторожно,
ты за эту ложную сложность
и холодность – меня прости.

Григорий ОКЛЕНДСКИЙ (НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ)

Родом из Белоруссии. Школьные годы прошли в Гомеле, незабываемые студенческие – в Ижевске, а лучшие – в Новосибирском Академгородке. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований, а также разработкой информационных систем здравоохранения. Кандидат технических наук. Более 20 лет живёт и работает в Окленде, где работа в области информационных технологий сочетается с любовью к поэзии и путешествиям. Автор поэтических книг «Время собирать...» (2010, Ижевск) и «Время стихов» (2014, Москва). Член Союза писателей XXI века. Автор многочисленных публикаций в сетевых и бумажных изданиях в России, Беларуси, США и Бельгии. Финалист 7-го Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» (2015), 3-го Международного поэтического фестиваля «Дорога к Храму» (Израиль, 2018).

Жизнь на краю света – даже не в овечьих легендах Австралии, а в непредставимой и непрочитанной Новой Зеландии, вероятно, и наполняет остротой ностальгического чувства и стихи Григория Оклендского. Ветры двух океанов сталкиваются над этими вечно зелёными холмами, над гаванью, где корабли греются у причала – романтика путешествий просится в стихи, но вытесняется устремлённостью души к прожитому и пережитому в юности. Эта устремлённость и определяет искренность прямой стихотворной речи автора, признающего, что память – полноводная река!

Д. Ч.

МЕЖ ДВУХ ОКЕАНОВ

* * *

В нашу гавань заходили корабли,
Швартовались, грелись у причала.
Вдалеке от неуютливой земли
Им хотелось жизнь начать сначала.
Чтоб высоким был морской прибой
И океанические волны
Борт не накрывали с головой,
А касались с лёгкостью проворной.
Чтоб покой и мир венчал пейзаж...

В праздник – фонари похутукавы,
Украшая местный антураж,
Радовали лакомой приправой.
Чтобы устремлённое вперёд
Время нас щадило и прощало.
И с годами каждый новый год
Означал, действительно, начало.

Память – полноводная река,
Возвращает к дальнему истоку,
Где осталась детская страна,
Разочарований вкус жестокий.
Где по лужам мелким – корабли,
Будто настоящие фрегаты,
Уплывали с крошечной мели
В мир огромный, взрослый, необъятный!
И вернувшись на круги своя,
Обретая мудрость и терпенье,
Поклонились вечным островам
И судьбе, что вынесла теченьем...

* * *

Вот и стали мы на год мудрей
Вдалеке от родимых корней.
И на новой земле прижились,
И уверенно тянемся ввысь...
Тянем шеи до хруста в спине
И летаем... летаем во сне.
Налегке возвратимся домой,
Где искрится костёр молодой.
Где любимый немеркнувший взгляд
Освещает дорогу назад...
И, умывшись скупой слезой,
Обернуться другою судьбой...
И опять эти годы прожить...
Но вот как? У кого бы спросить?!

ЧТО ДОРОГО...

Ни гроша ты не оставишь за душой.
Ничего не унесёшь в далёкий край.

Всё, что дорого, раздай пока живой –
Раздари, оставь внучатам, разбазарь.

Память, как крупу, перебери
И по зёрнышку отдай на семена.
По крупицам ту девчонку сотвори,
Что была в тебя когда-то влюблена.

Обойди пешком священные места.
Не забудь отдать последние долги.
Над могилой мамы разомкни уста –
Только не обманывай, не лги.

Успокой свою печаль в закате дня,
Под покровом ночи надышись травой.
Не прощайся, ибо, даже уходя,
Оставляешь в небе росчерк озорной.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Невинным жертвам...

Земля стряхнула город гордый с плеч.
И стёрла в пыль.
Бетонный зверь вонзил коварно меч.
И день убил.
Сдавил тела людские хваткой мёртвой.
Спустилась ночь.
Остановилась жизнь. Бесповоротно.
Кому помочь?!
Стонали люди и метались тени.
Армагеддон.
Молились, засыпая во спасенье.
Последний сон.
Остолбенело небо в чёрных тучах.
Кого спасти?
Бог милосердный! Никого не мучай.
И всех прости.

ИЗ ЮЖНОГО ПОЛУШАРИЯ...

Как грустно сознавать – весны не будет...
К нам осень возвращается весной.

И сердце будоражит, но не будит
Её приход, отмеченный строкой.
Ложится слово, смешанное с кровью,
На скатерть пожелтевшего листа.
Рифмуя, вопреки всему, с любовью –
Пишу тебе из Южного Креста.
А этот Крест, висящий над землёю –
Таинственный... мерцающий огонь...
Смогу ли я вечернею звездою
Упасть в твою раскрытую ладонь?

НЕ ПАРАДНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Не суетись, не мельтеши.
На всём скаку стреножь гордыню.
Пусть сигаретный дым остынет.
Ночь успокоится в тиши.
И чай покруче завари,
И вспоминай... Пусть память колет.
И тенью – бумеранг к застолью.
Всё возвращается, старик!
И одиночество души
Не возводи в размер страдания.
Таков был замысел витальный.
Такая плата... Ведь грешил?
Узнай себя во взрослом сыне,
На равных с ним поговори.
Когда зажгутся фонари,
Мы встретимся. На середине.
Живи открыто, не по лжи,
И пусть рука не оскудеет
И сердце бьётся на пределе,
Одoleвая виражи!
Свободным над землёй пари,
Расписывая небо фресками,
Несовершенными, недетскими,
Не признанными до поры...

Чей голос арфою журчит,
Как детский сон, давно забытый?
И я войду в его обитель,
Бесстрашно выбросив ключи.

ТРИ ЖЕНЩИНЫ...

Эта женщина... разлюбит и не мучает.
Не напоминает о себе.
Иногда мелькнет строкой летучею,
Ласточкой в распахнутом окне.

А другая женщина – хорошая...
Мучает, любовь свою даря.
Жертвует собой, ломая в крошево
Горы голубого хрусталя.

А ещё есть женщина ревнивая...
Извелась, измучилась тайком.
Утекла любовь её красивая
Тонким пересохшим ручейком.

Три судьбы, три зеркала, три женщины...
Так похожи – на одно лицо...
Как узнать, с кем встреча нам обещана
На земле, свернувшейся в кольцо?

СИЗИФОВ ТРУД

Я б хотел увидеть сон. Будто я, живущий клон, по другой пошёл тропе,
что у камня на развилке, поменял бы всё в судьбе с легкомысленной
ухмылкой. И другая улыбнулась мне удача на пути, а возможно, всё б
вернулось на круги... круги свои. И, случайно повстречав самого себя
однажды, ночи напролёт бы каждый говорил о прожитом – убеждая и
ревнуя, и трезвея, и волнуясь... Без оглядки «на потом». Беспощадно,
без прикрас, сам с собою – пробил час!

И не истиной бумажной, а всем опытом души – понял я, что жизнь
прекрасна та, которую прожил! Что нельзя соединить две судьбы в
тугую нить! Где густая тень от пальмы и сугробов тишина. Оксана лик
овальный, и подснежников страна. Вырвать горькие страницы,
черновик переписать, улететь за Синей Птицей – то ли к морю, то ли
вспять... в юность, где тебя не ждут, не дано – Сизифов труд...
Нету сна. И нету клона. Я иду – вверх, по склону...

ВОСПОМИНАНИЙ ТОНКОЕ РУНО...

А молодость... Всё дальше, всё нежнее.
То призрачней, то явственней, то глуше...
Ничто её теченья не нарушит –
Лишь памятью встревожится моей.

Лишь рано поседевшие виски
Всё помнят город, пахнувший полынью,
Где мы с тобою не были близки,
Но дышим той влюбленностью поныне.

А молодость... Всё выше, всё светлей.
Не разгадать, не воротить, не сбыться...
И осень пожелтевшие страницы
Метёт к ногам уснувших фонарей.

Воспоминаний тонкое руно,
Как облачко, плывёт за мной и тает...
Прощается, свободу обретает,
Но не звенит натянутой струной...

А молодость... Всё старше, всё мудрей.
Пытается догнать и приголубить...
И голубок тебя целует в губы,
А губы тихо шепчут: «Дуралей...»

ВРЕМЯ СТИХОВ...

Думы ночные январского лета.
Дымчатый след облаков.
Море качает бездонное небо.
Время стихов...
Память моя растревоженной стаей
К дальним просторам летит...
Что вспоминаешь, когда наступает
Время уйти?!

Геннадий КАЦОВ (США)

Русско-американский поэт, писатель, эссеист, литературный критик, журналист, теле- и радиоведущий. В 1980-х был одним из организаторов легендарного московского клуба «Поэзия» и участником московской андерграундной литературной группы «Эпсилон-салон». С 1989 года живёт и работает в США. Стихотворения опубликованы в энциклопедической антологии «Самиздат века» (1997), в журналах «Знамя», «Звезда», «Дружба народов», «Интерпоэзия» и многих других. Член редколлегии журналов «Времена» (США) и «Эмигрантская лира». Лонг-лист «Русской Премии» (2013, 2014), шорт-лист Волошинского Конкурса (2014), лауреат премии журнала «Дети Ра» (2014) в номинации «Поэзия». Учредитель литературно-музыкальных вечеров в нью-йоркском музее им. Николая Рериха (сезон 2016–2017). Вместе с супругой Рикой Кацовой осуществил международный литературный проект «70» (2018), посвященный 70-летию Государства Израиль. Стихотворения переведены на английский язык и опубликованы в США в журналах Blue Lyra Review, Tupelo Quarterly, Verse Junkies, Paintersand Poets, Life and Legends.

Стихотворная палитра Геннадия Кацова разнообразна. Автор творит её то мелкими частыми мазками, то сильным широким взмахом поэтической кисти. Сюжеты его стихотворений иногда представляют собой настроение внимательной к событиям созерцательности, но чаще – это внутренний монолог, выплёскивающий парадоксальность мышления и живость художественного взгляда, присущих автору. Звук тянет за собой созвучие, слово прикладывается к слову, создавая картину жизни и вызывая читательский отклик.

Д. Ч.

В ПРОСТРАНСТВЕ ДЖЕТ-ЛЕГА¹

* * *

Коль листва облетела и туча сливается с кроной –
Через них птичий клин пролетает, и сонные звёзды
В лунном свете глядят, как на ветке качается Хронос,
Осветляя к утру по краю отуманенный воздух.

Опускается ртуть и всё уже сжимается месяц,
Пробуждается в колбе алхимик и клён оловянный,
В серебристой росе – превращает кочующий Мессинг
В слиток золота, в суть вещества из восточных Диванов.

¹ джет лег – синдром смены часовых поясов, дискомфорт после перелёта на большие расстояния, разница во временных поясах

Время движется вспять на рассвете, корою бурея,
Поджигая предвестья сугробов осеннею охрой:
Два последних грача, будто после погрома евреи,
Перед тем, как взлететь, на прощанье трагически охнут.

Пустоту время года данайским подарком приносит –
Сколько хватит, в охапку сосулук-разлук набери, но
Продержись, ведь с зарёй, даже если закончится осень,
Хронос, с ветки склонившись, на небо наносит белила.

JETLAG

ни зги, ни жив, не лги – ни мёртв
поют сирены за окном
и ночью «Боинг» в сотни мётл
летает с ведьмой заодно

не суть – где верх сейчас, где низ
шесть лун в костяшке домино
стучат так твёрдо о карниз
как будто ветками в окно

не спи – спи, не смыкая глаз
ты обнаружишь, что в стене
есть круглый непролазный лаз
из комнаты твоей – вовне

мышей летучих в нём полёт
и вдоль дорожки лунной писк
но если кто-то позовёт
ты не тянись туда, не спи

не спи – ты знаешь, что и как
ночных овец считать начни
а как дойдёшь до пастуха
то лучше не общайся с ним

ни зла вблизи нет, ни добра
ни зги – потеряв овцам счёт
Вдали, за морем серебра,
Судьба черешенкой растёт.

* * *

Дождь оплащёван, изящно озонточен,
в луже дрожит ювелирным изделием,
частью дрожащей от влажного дерева —
счастлив в расчётах осеннего зодчего
в пору бесщётно безгрешных падений.

Для робкой зелени мартовской, прожитой —
это конец безнадёжной истории,
и весь октябрь листья жгут в крематории,
с неба, что кроной продрогшею прожжено,
резко бросая, как в ересь — католиков.

Ветер свистит в переулках, за шторою
лампа горит нескончаемым вечером —
ливень снаружи, и вроде бы нечего
больше сказать о себе. И которую
осень диктуешь на древнем наречии.

* * *

Звали вы долго, и вот вы меня получили:
ангелы в белом, как в белых халатах врачи, и
Чёрт, в самом деле, не страшен.
Смерти нет больше и нет её меньше — лишь в меру,
хоть ты сейчас натяни профиль пенсионера,
хоть пионера — на мили, гектары, центнеры,
на США вместе с Рашей.

Вечность грифон к середине летит Миссисипи,
и близнецы из Сиама сливаются в сиплый
голос над городом, миром,
над цирком Барнума с целым букетом уродов,
чей на закате исход предсказуем и розов —
в тень, поглотившую массу ушедших народов,
переселённых и сирых.

Этот поток, как кипящий простор безоглядный:
страх потных рук и потухшими спичками взгляды
ближних, впритирку, соседей.
А вдалеке на копьё поднимают повыше

тело того, кто по времени в первые вышел –
воплъ его, обгоревшего, задним не слышен...
Так на дорогу присядем?

INDIAN SUMMER НА БРУКЛИНСКОЙ АВЕНЮ М¹

В душном воздухе яблоки преют
на кошерных лотках от Glatt Mart'a:
все индейцы из бруклинских прерий –
в аккуратных кипах, сплошь не марких.

Их подруги, скрывая телесность
в длинных платьях, трясут париками,
так привычно толкая тележки,
будто так же толкали веками.

За индейками – в пейсах, похожи
друг на друга и мал мала меньше,
с шумом валит толпа краснокожих:
Бени, Ури, Ароны и Мойши.

А за ними – их сёстры в чулочках,
в длинных платьях: пусть мамы пошире,
но, как клоны, похожи их дочки –
Ханы, Сарры, Рахили и Ширы.

И какое здесь тысячелетье,
и название местечка, в котором
им молиться – неважно, их дети
лишь бы чтили Субботу и Тору.

Консерваторы и либералы
делят гений свой пусть со злодейством,
но налив «Манушевич» в бокалы,
Трубку мира раскурят индейцы.

Если всё это им отзовётся
(в век гарантий мир, всё же, знакомый)
то придётся менять на сиротство
снова чувство привычное дома.

¹ Indian Summer – Индейское лето, в Америке тот же период ранней осенью, что и Бабье лето в России

* * *

прежде – завтрак, позже – обед, затем и
ужин свой отдай друзьям,
вид за окном – хорошим парням,
милым дамам – в горшках у окна хризантемы,

миру – лезвием на коре уравниенье с ответом,
городу – цент, брошенный в фонтан,
яму – погосту, которому дан,
«лайк» для фейсбука, последний имейл – интернету,

памяти – утром морозным выдоха контур,
книгу – в подарок, не пролистав,
голос... пожалуй, лишь голос оставь,
весь заberi – без тебя он покроется коркой

* * *

Тротуар отсырел, будто бы чешуя в натюрмортах фламандцев
Поутру, после ливня ночного, проплываешь в сентябрьском тумане
Где прохожий, мгновенно сближаясь, подозрения зрения обманет
Ведь на вкус и на цвет – свежий мем – не бывает похожих фломастеров

Память тенью клубится по углам из бывшего растущих строений
Звуки влажно лежат под камнями, чтоб однажды воскреснуть, как в
хорроре
Спотыкаешься – и распрямляешься телом живым прямохордовым
И склоняешься, чтобы успеть в этот раз отразиться в Забвении

Есть надежда: а вдруг, словно римлян, спасут легендарные гуси
Гуси-лебеди, коль утащили на юг от сестры её братца
Да, и веришь: твой след на осенней тропе – чтоб ему оставаться
Но сентябрьский туман впереди всё сырее. Всё гуще, всё гуще

УРАГАН

В ночи ликовал, отрывая по листику,
бил окна, грозя неизбежною карой,
беззлобно, когда приближалась полиция,
бросал литры ливня в зажжённые фары.

Метался по скверу, был в этом упрямей
старушки-процентщицы в третьем подъезде,
слюду тротуара слепил фонарями,
был лучшим ублюдком, что значит – последним.

Был джек-потрошителем поздних прохожих:
зонты выгнув, полы плащей поднимая,
искал под одеждой тела помоложе,
взыскую короткой любви и внимания.

Его эта ночь, от заката – эпоха
раздрая, осадков рекордных за сутки,
когда хорошо, в результате, так плохо,
что ехать отсюда придётся рассудком.

Поскольку октябрь – время постмодернизма,
то пыль деконструкции – дождь декораций,
и смена полов, то есть верха и низа, –
всегда о свободе и равенстве с братством.

Его это время, его это место –
и в чёрные шахты упавшие лужи
не кажутся чьей-то расчётливой мезгиею,
а знаком того, что становится хуже.

И можно б забыться, конца беспределу
не видя, ведь глаз урагана намётан.
В грядущее вера спасает – но белым
оно выпадает. И белым, и мёртвым.

ФЕВРАЛЬСКАЯ ФУГА

Февраль. Достать бы мухобойкою
осенней мухи с подоконника
звонящий трупик – дань Набокову
с его орнитой покойников.

Подвластны силе кинематики,
борцы летают вверх тормашками,
всё ближе становясь на матиках
размером с мелкую букашку.

Всё тише звук, всё неразборчивей –
зимой бы не случилось тут чего,
и ухо сломанным приборчиком
не ловит ни мышей, ни Тютчева.

Промёрзли страсти африканские,
короче ночи назаретные,
и городами кафкианскими
грозят сугробы, сном согретые.

Увидена с полёта птичьего
ладонь, с её продольной линией
всё шире, глубже – увеличена,
как трещина на чаше глиняной.

Ландшафт всё меньше, цвет изгнания –
бескровный, местность – зла и ветрена:
без букв, без знаков препинания
уж лист разложен по конвертам.

Кирилл Василёнок. «Апельсины».

ДЕБЮТ

Натан ПЕРЧИКОВ (ИЗРАИЛЬ)

Родился в 1983 году в России, в городе Куйбышев (ныне – Самара). Стихи пишет с 12 лет. Играет на классической гитаре, пишет песни, занимается литературным переводом. Лауреат Второго международного поэтического конкурса «Я ни с кем никогда не расстанусь» (Москва), финалист Пятого поэтического фестиваля «Эмигрантская лира». Кандидат физико-математических наук.

Натан Перчиков дебютирует журнальной публикацией в европейском журнале, но всякому, кто знаком с его песенным творчеством, понятно, что он не новичок в поэзии. Так сложилось, что автор больше внимания уделял своим авторским песням и не спешил с журнальными публикациями. А, между тем, его стихи отмечены настоящей лирической исповедальностью.

Д. Ч.

* * *

Я понял нынче – счастья нет.
Есть лишь туман, пьянящий душу,
Когда мы спим спиной к спине,
Упрятав утроб под подушку;

Когда иллюзии-врачи,
С болезнью-трезвостью покончив,
Рождают смех и крик в ночи
И сладкой песни колокольчик.

* * *

Всё мерзостно, что вижу я вокруг.
Мой милый друг – уже и ты далече.
Иссякла вера. Ночь. Сгорели свечи.
Иду во тьме на еле слышный звук;

Покой и воля обратились в прах;
Из праха ночь кувшин с вином сваяла.
И творчества и чудотворства мало.
Прошли и лето, и любовь, и страх.

Осталась осень. Шум листвы, туман;
Вой ураган – сознание рви на части!
Лей, ливень! Жуй батончики, шаман!

Влюблённым – мёду! Водки – палачам!
Нам выпало по полчаса на счастье,
И век – деревьям снится по ночам.

* * *

Париж не стоит мессы. Мессы нет.
Есть бал чертей, написанный на Джаве.
Согласно Клер, сегодня парижане
Плюют на эскарго и жрут багет.

Что будет завтра? Нож заточит Брут;
Вживят в запястья хулиганам чипы.
Бенедиктин допит. Роман дочитан.
Клер улетела. Уравнения врут.

* * *

Ни ласка гетеры, ни слава в народе,
Ни полный кувшин, ни волны изумруд,
Тебя не влекут, когда вера проходит,
Когда соловьи в твоём сердце умрут;

Когда, обнимая поляну за плечи,
Ты вдруг понимаешь, что детство прошло;
И не за что больше, и не с кем, и нечем,
И не тяжело, лишь когда тяжело...

И хочется стать как дорога, как сено,
С себя дар сознания сорвать и бежать...
И только волшебная сила – беседа –
Способна тебя в пустоте удержать.

* * *

В ту ночь луна надела тучу, как хиджаб,
И город в пробках замусолил трассы-чётки;

И вышли в полночь, телефоны крепко сжав,
Обученные вечностью девчонки;

И в тёмных комнатах включились фонари,
Как в тёмных комнатах для проявления фото;
И телефоны, как глухие звонари,
Играли всё *con spirito* и *forte*.

РОДИНА

Какой серебряный выпадет снег,
Как заискрится фонтан ледяной,
Когда мы снова увидимся с ней,
И смерть на миг разминётся со мной...

Она с укором, рябиной в снегу,
Заглянет в душу, прижмётся щекой,
Глаза повяжет бескрайней рекой,
И я уйти никуда не смогу.

Она пшеничные косы сплетёт,
И улыбнётся, и вся расцветёт,
И запоёт, и исчезнет в саду...
И я её никогда не найду.

* * *

*...И твой прощальный, долгий взор,
И пустота непониманья,
И холодок знакомых гор,
Где мы когда-то обнимались;*

*И откровенье – каждый раз,
Когда встречаемся глазами,
И что-то скрытое от нас
На миг возникло между нами...*

Не успел ничего сказать – только «прощай!»,
Только мельком взглянул в глаза, только «держись!».
Ты исчезнешь во мгле, «рукой» пообещав,
Что когда-нибудь снова сведёт нас жизнь...

Я тебя проводил до последних строк;
Мы прошли сто шагов, но как будто – лет...
Мы столкнёмся в грядущем набитом метро –
Я узнаю тебя. Ты меня вероятно – нет.